

6. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Творчество и объективация. Мн., 2000. С. 4–163.
7. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // На переломе: философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение. М., 1990. С. 73–78.
8. Титаренко С.А. Специфика религиозной философии Н.А. Бердяева. Ростов н/Д, 2006.
9. Tillich P. Theology of Culture. N.Y., 1964. S. 535.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993.

References

1. Zimovets, L.G. *Kul'tura kak neudacha (kul'turologicheskaya kontseptsiya N.A. Berdyaeva)* [Culture as a failure (culturological concept N.A. Berdyaev)], Moscow: Izdatel'stvo RGSU «Soyuz», 2005, p. 224.
2. Motroshilova, N.V. Spetsifika religioznogo sinteza N.A. Berdyaeva: obshchie kharakteristiki [Specificity of religious synthesis N.A. Berdyaev: General characteristics], in *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik 2001* [History of philosophy Yearbook 2001], Moscow, 2003, pp. 249–319.
3. Berdyaev, N.A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit], Moscow: Respublika, 1994.
4. Berdyaev, N.A. Smysl tvorchestva [The Sense of art], in *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of freedom. The sense of art], Moscow, 1989, pp. 254–518.
5. Berdyaev, N.A. Predsmertnye mysli Fausta [Dying thoughts of Faust], in *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva: v 2 t., t. 1* [Philosophy of creativity, culture and art: in 2 vol., vol. 1], Moscow: Art, 1994, pp. 434–441.
6. Berdyaev, N.A. O rabstve i svobode cheloveka [Slavery and freedom], in *Tvorchestvo i ob'ektivatsiya* [Creativity and objectivity], Minsk, 2000, pp. 4–163.
7. Berdyaev, N.A. Volya k zhizni i volya k kul'ture [Will to live and the will to culture], in *Na perelome: filosofskie diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzrenie* [On the edge: philosophical discussion of the 20-ies: philosophy and world-view], Moscow, 1990, pp. 73–78.
8. Titarenko, S.A. *Spetsifika religioznoy filosofii N.A. Berdyaeva* [Specificity of religious philosophy N.A. Berdyaev], Rostov na Donu, 2006.
9. Tillich, P. Theology of Culture. N.Y., 1964, 535 p.
10. Shpengler, O. Zakat Evropy. *Ocherki morfologii mirovoy istorii T. 1. Geshtal't i deystvitel'nost'* [Decline Of Europe. Essays morphology of world history. Vol. 1. Gestalt and reality], Moscow: Mysl', 1993.

УДК 11(470)(09)

ББК 87.3(2)61-02

ЗАМЕТКИ О «ФИЛОСОФСКОМ ПАРОХОДЕ»

А.А. ЕРМИЧЕВ

Русская христианская гуманитарная академия
набережная реки Фонтанки, д. 15, г. Санкт-Петербург, 191011, Российская Федерация
E-mail: 7723516@gmail.com

Рассматривается один из эпизодов ранней советской истории, известный по слогану «философский пароход». Показаны предпосылки акции по высылке инакомыслящих: с од-

ной стороны, это догматическое следование марксистскому учению о классах и классовой борьбе, а с другой – обстоятельства внутривнутриполитической жизни Советской России. Основываясь на ленинском понимании общекультурного значения и социальной функции интеллигенции, делается вывод, что административная высылка «мнимо-беспартийной» интеллигенции была побочным, хотя и необходимым продуктом грандиозных социальных изменений, происходивших в России в первой четверти XX века. Дан сравнительный анализ идеологической ситуации времени перехода к НЭПу с идейным хаосом перестроечных лет (1985–1990 гг.), приведшим, в конце концов, к краху СССР.

Ключевые слова: марксистское мировоззрение, классовая структура общества, интеллигенция, революция, народ, большевики, новая экономическая политика, пролетарская и буржуазная демократия, высылка, перестройка.

NOTES ON THE «PHILOSOPHY SHIP»

А.А. ERMICHYOV

Russian Christian Academy for the Humanities
15 Fontanka emb, Saint Petersburg, 191011, Russian Federation
7723516@gmail.com

The article analyses one particular episode of the early Soviet era most familiar as the «philosophy ship». The expulsion of the dissentients on the one hand was determined by strict following the Marxist theory of classes and class struggle, and on the other by the circumstances of the inside politics of Soviet Russia. Basing on Lenin's understanding of cultural meaning and social function of the «intelligentsia», the author concludes that such expulsion of the would-be non-party intellectuals was a side- (although necessary) product of the dramatic social changes that were taking place in Russia early in 20th century. The comparison is drawn between the ideological situation of the NEP (New Economic Policy) time and the ideal and conceptual chaos of the Perestroika (mid-1980s), that eventually led to the collapse of the USSR.

Key words: Marxist ideology, class structure of the society, intelligentsia, revolution, public, Bolsheviks, new economic policy, proletarian and bourgeois democracy, expulsion, Lenin, Perestroika.

И прежние подвальники, и вся мастеровщина,
туго жизнью пригнетенная, из щелей повыползала, из
темных нор своих и вверх задвигалась. «Попировали и довольно!
Нынче наш черед!» Выходи, беднота, тьма, голь и нищенство,
подымай голос, нынче твой день.

Б. Зайцев

Если только возлюбит русский Россию, –
возлюбит и все, что ни есть в России.
Н.В. Гоголь

О том, что в 1922 году революционная Россия без суда и следствия, в административном порядке, выслала за границу большую группу интеллигенции, было известно всегда – и историкам-специалистам в СССР и русскому зарубежью. С началом перестройки всем захотелось узнать об этом эпизоде поподробнее: почувствовалось, что в шкафу СССР где-то есть еще один

скелет и о нем нужно рассказать как можно ярче. В 1990 г. о «скелете» появляется сразу несколько публикаций, а среди них статья экс-советского историка, эмигранта третьей волны М.С. Геллера «"Первое предостережение" – удар хлыстом»¹. Здесь мы впервые прочитали выражение «философский пароход». Историк попал в яблочко. Теперь перестроечная общественность стала воспринимать «философский пароход» как символ свободной мысли, навсегда покинувшей советские берега. Оказывается, «Ex oriente lux», когда-то тешивший русских надеждой, был перевезен за море, на Запад и сиял уже оттуда. Публицист и писатель В.В. Шенталинский констатировал: «Интеллект, талант – это, пожалуй, единственный товар, который советская власть даром, не скупясь, поставляла миру» [25, с. 218]. Доктор философии из Ульяновска А.А. Тихонов перевел эту публицистику в цифры. Оказывается, более двухсот высланных (доктор и число высланных знает!) с 1922 г. по 1939 г. опубликовали более 13 000 различных трудов, которых, естественно, лишилась наша страна². Как он посчитал эти труды – уму непостижимо!

Большое впечатление производила статья одного из старейшин советского философского цеха Л.А. Когана, в далеком прошлом аспиранта МИФЛИ, участника Великой Отечественной войны, а тогда – сотрудника ИФ АН СССР. Статья называлась по-ленински – «Выслать за границу безжалостно»³. Здесь философ, наконец-то, выплеснул все, что копилось в его душе долгие годы. По его мнению, высылка была «существенным элементом большевистской стратегии, нацеленной на установление духовно-мировоззренческой монополии партии в обществе, на ее диктатуру в свете сознания. Свобода объявлялась тем самым вне закона... Это был удар по российской интеллигенции и интеллигентности, духовности вообще...» И далее: «В итоге национальному духовному генофонду был нанесен огромный качественный урон, содействовавший люмпенизации и конформизации общества...» [8, с. 82–83]. Другие исследователи (имя им – легион) солидарны с ученым вполне. А некая дама из «Вестника РАН» поведала, что опытом «большевистских вождей» воспользовался Гитлер (в начале 30-х годов), а потом Л.И. Брежнев⁴.

Болезнь мизантропии, присущая русской интеллигенции, с началом перестройки разразилась с новой силой. Выстраивались словесные ряды, чтобы больнее, насмерть жалить «совковое» сознание: генофонд, ампутация интеллекта, люмпенизация, Ленин, Гитлер, Брежнев ...

Современной литературе о «философском пароходе» – как перестроечной, так и, в значительной мере, постперестроечной – присущи два недостатка:

¹ Геллер М.С. «Первое предостережение» – удар хлыстом (к истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.) // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66.

² См.: Тихонов А.А. Дискурс власти и власть дискурса: к 80-летию «философского парохода» // Материалы Всерос. науч. конф. / под ред. А.А. Тихонова. Ульяновск: Ул. ГПУ, 2013. С. 26.

³ Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 61–84 [8].

⁴ См.: Селезнева И.Н. Интеллектуалам в России места нет // Вестник Российской Академии наук. 2001. Т. 71, № 8. С. 740.

один – идеологического порядка, а другой – исторического. Одни авторы, быть может, еще вчера бывшие членами КПСС, прямо-таки захлебываются антикоммунизмом, изображая дело так, будто «пароход» – это только начало абсолютной тьмы над Россией. Сами они ценят свободу абсолютно и желают ее всегда и везде в сей же момент. Другие авторы почти всегда выступают в роли прокуроров, а не историков. Они не ищут никаких «смягчающих» обстоятельств для этой акции Советской власти.

Все же задача историка – объяснить и понять.

I

Некоторые из них довольно просто решают центральный вопрос «пароходной» темы – об отношении В.И. Ленина и РКП(б) к интеллигенции. «Ленин, – пишут В.Г. Макаров и В.С. Христофоров, – вообще относился к интеллигенции сугубо утилитарно и сам это неоднократно подчеркивал» [4, с. 13]. Печальна не небрежность этой фразы – Ленин никогда не подчеркивал якобы такого своего отношения к интеллигенции, печальнее другое. Вместо того, чтобы привести собственные суждения Ленина об интеллигенции, исследователи ссылаются на воспоминания Ю.П. Анненкова. В 1921 г. художник был приглашен рисовать портрет Ленина, и спустя много лет, уже в 50–60-е годы, он издал известный «Дневник моих встреч». Вот как художник передает слова Ленина об интеллигенции: «Вообще, к интеллигенции, как вы, наверное, знаете, я большой симпатии не питаю, и наш лозунг “ликвидировать безграмотность” отнюдь не следует толковать как стремление к порождению новой интеллигенции. “Ликвидировать безграмотность” следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи, читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего» [1, с. 247]. После этой цитаты любому читателю становится понятно, что Ленин – это Скалозуб, который даже малоизвестному человеку долбит свою «угрюм-бурчеевщину».

Того, что здесь наворотил Ю.П. Анненков, нет ни в одном из выступлений вождя русской революции. Художник сфантазировал, или, проще говоря, наврал. Ленинское представление об интеллигенции весьма далеко от этой карикатуры. Оно, конечно, другое, чем популярное в начале XX века представление о ней, по Р.В. Иванову-Разумнику, как о внесловной, этически ориентированной группе⁵.

Ленин судил об интеллигенции не столь «возвышенно», не по-русски, а по-европейски. В работе «Шаг вперед, два шага назад» (1904 г.) он заявляет: «Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat*, *Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей,

⁵ Определение Р.В. Разумника гласит: «Интеллигенция есть этически – антимещанская, социологически – внесловная, внеклассовая, преемственная группа, характеризующаяся творчеством новых форм и идеалов и активным проведением в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и индивидуальному освобождению личности» (Р.В. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 25).

представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане), в отличие от представителей физического труда» [11, с. 298]. Слово «интеллигент» обозначает у Ленина скорее «профессию», а «интеллигенция» – профессиональную группу. Такое представление об интеллигенции Ленин встраивал в материалистическое понимание истории, согласно которому интеллигент-профессионал обслуживает интересы тех или иных классов. В частности, благодаря образованности и таланту он может хорошо выражать интересы какого-либо класса и даже стать его идеологом-вождем. При этом случаются казусы: относительная самостоятельность ума, знания и таланта интеллигенции позволяет ей «забывать» о своей привязке к классам, преувеличивать свое значение, воображать себя самостоятельным надклассовым образованием, «мозгом нации», защитником Истины, Добра, Справедливости – и все, конечно, с большой буквы. В.И. Ленин находил такое самомнение безосновательным и даже опасным для дела революции⁶. Грубая ругань Ленина – «на деле это [интеллигенция – А.Е.] не мозг, а г...»⁷ относится именно к такой интеллигенции, которая думает, что служит благородным целям, а на самом деле является просто кадетской.

Ленин ждал, чтобы «представитель умственного труда» осознал и открыто признал свое действительное отношение к классам. Что касается России, то такое осознание стало возможно благодаря правильной общественной теории, а именно, когда «идейно определилось направление русского марксизма» (группа «Освобождение труда. 1883») и началось непрерывное рабочее движение в связи с социал-демократией (петербургские стачки 1895–1896 годов)⁸. Кто овладеет наукой Маркса и Энгельса, полагал Ленин, тот поймет действительное положение интеллигенции и сознательно посвятит свою жизнь и деятельность самому прогрессивному классу в истории – пролетариату.

Интеллигенция, не понимавшая этого, интересовала Ленина-политика, скорее, как объект критики, даже если она была союзником или попутчиком в освободительном движении. В отношении к ней Ленин руководствовался учением К. Маркса, согласно которому «средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они революционны, то только постольку, ... поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата» [18, с. 434].

Учение жестокое, что и говорить. Но после Октября 1917 г. оно стало теоретическим основанием политики В.И. Ленина и РКП(б) в отношении к

⁶ См.: Ленин В.И. Памяти графа Гейдена // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958–1965. Т. 16. С. 40.

⁷ См.: Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому 15 сентября 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1958–1965. Т. 48. С. 48 [17].

⁸ См.: Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 25. С. 94 [12].

своим вчерашним попутчикам в борьбе с царизмом. Когда большевики стали перестраивать общество в соответствии с марксистской Истиной, все эти интеллигенты в одночасье стали консерваторами и реакционерами; все – включая и социалистов.

26 октября 1917 г. выяснилось, что главная масса русской интеллигенции такую Истину не принимала и стала ее врагом. С этой интеллигенцией нужно было бороться.

II

Ленин был уверен, что не коммунизм виновен в войне с интеллигенцией. Коммунизм был закономерным и высшим продуктом человеческой истории, он был Истиной, не могущей противоречить разуму интеллигентного человека. Нет, в войне с интеллигенцией виновен ход событий, «который всех “демократов” и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул»⁹. Поэтому, делая доклад партийным работникам Москвы 27 ноября 1918 г., Ленин решительно заявил: «Опирайтесь на интеллигенцию [то есть на весь образованный класс как таковой, который не социалистичен и никогда таким не будет – А.Е.] мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту» [14, с. 221]. «Авангард» – это, возможно, интеллигенты в прошлом, а сейчас они – просто пролетарские революционеры, «новые люди», как сказал бы любимый писатель В.И. Ленина. «Новые люди» приобщены к единственно верному и потому всеильному учению Маркса и Энгельса. И вот этот авангард (а, по замечанию Н.А. Бердяева, он был чуть ли не новым антропологическим типом!¹⁰) просто обязан был относиться к интеллигенции по классовому, принуждая ее служить коммунистическому идеалу.

Возражая тем, кто говорил о культурно-цивилизационной неготовности России к социализму, В.И. Ленин стал подчеркивать необходимость и значимость политического и социального переворота Октябрьских дней как первой и необходимой ступени при строительстве коммунистического общества. Только при политической власти пролетариата, которая сделает мировую культуру доступной трудящимся, начинается их нравственный и культурный рост, что и означает реальное вхождение социализма на русскую землю.

Строить новое общество приходилось из материалов, оставленных прежней Россией, – других просто не было. В.И. Ленин всегда говорил, что без наследия капиталистической культуры социализма не построить и, в частности, его не построить, «если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано»¹¹.

⁹ См.: Ленин В.И. Ответ на открытое письмо специалиста // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 38. С. 221 [14].

¹⁰ «В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц... Новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставляется из рабоче-крестьянской среды...» (См. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. 1990. С. 101).

¹¹ См.: Ленин В.И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 37. С. 223 [13].

Для интеллигенции было найдено новое имя – спецы, специалисты. Это было симптоматично. Новые руководители России как будто говорили: «Интеллигенция в прежнем, “веховском” смысле, революционная интеллигенция нам не нужна. Революция достигла своей цели, и теперь начинается позитивное строительство. Отныне революции здесь, в России, быть не может и не должно». А новое слово открывало возможность для участия интеллигенции в социалистическом строительстве. Предполагалось, что идейно-политическое и мировоззренческое содержание своего сознания интеллигенция отставит в сторону за ненадобностью, а специальные, профессиональные знания поставит на службу прогрессу – рабоче-крестьянскому коммунизму. «Специалист», «спец», вполне мог работать на пролетарское государство.

В свое время в «Вехах» был дан анализ мировоззренческого и политического «отщепенства» интеллигенции от государства. Но если раньше за «отщепенством» интеллигенции присматривал только Струве¹², то теперь – РКП(б) и ВЧК-ОГПУ. Потому при полном понимании ценности знания и таланта у интеллигентов РКП(б) требовала от партийных организаций дифференцированного к ним отношения, соразмеряя его с лояльностью специалиста к Советскому строю.

Специалисту, который «хотя бы в основных чертах понял действительный смысл совершившегося великого переворота» и обнаружил «действительное желание помочь рабоче-крестьянскому правительству» следует всячески помогать, чтобы «облегчить ... переход к сотрудничеству с Советской властью». При этом власть хотела, чтобы специалистам «жилось лучше при социализме, чем при капитализме: и в материальном, и в правовом, и в идейном, то есть в отношении удовлетворения своей работой и сознания ее общественной пользы при независимости от корыстных интересов класса капиталистов» [10, с. 490].

Хорошей иллюстрацией дифференцированного подхода РКП (б) может быть статья наркома просвещения А.В. Луначарского «Советская власть и интеллигенция». Она была написана в красном Петрограде спустя две недели после отплытия «Обербургомистра Гаккена» с московскими интеллигентами.

Наркомпрос разделил интеллигенцию на четыре группы. Что касается партийной, эсеровской и меньшевистской интеллигенции, то А.В. Луначарский безоговорочно отметил ее «большим знаком минуса».

К другой категории интеллигенции, к тем, кто «занимается абсолютно бесполезными, а порою и прямо вредными специальностями», – «сюда в значительной мере относятся очень многие общественники, философы и т.п. специалисты», А.В. Луначарский относится уже только с «некоторым знаком минуса»: у таких профессионалов «основная тенденция в большинстве случаев такова, что невольно разводишь руками и спрашиваешь себя: преподавание с кафедры или печатание книг такими людьми в их направлении не является ли, по существу, более или менее такой контрреволюционной пропагандой?» [20, с. 375].

¹² В «Вехах» в своей статье «Интеллигенция и революция» П.Б. Струве раскрывал тезис, согласно которому «идейной формой русской интеллигенции является ее о т щ е п е н с т в о, ее отчуждение от государства и враждебность к нему» (Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 153).

Наконец, существует еще одна категория – интеллигентных обывателей: совслужащих, работников искусства, врачей, учителей и иных. Здесь тоже, по мнению Луначарского, необходимо дифференцированное отношение, понимая, что для этой среды привычно ворчание, сплетни и даже робкая контрреволюция ...

Но самыми ценными для А.В. Луначарского являются «специалисты по наиболее важным для государственного строительства отраслям». Он поясняет: «Нельзя достаточно повторять, что специалисты эти нам до крайности нужны, что они представляют собой род драгоценнейшего, величайшей редкости социального металла, добываемого с большим трудом и расходящегося, к сожалению, слишком быстро». Поэтому, продолжает нарком просвещения, «безречь специалистов, установить с ними товарищеские отношения, стараться вовлечь их в нашу работу не только за страх, но и за совесть – все это, что так логично рекомендовал тов. Ленин, остается в прежней силе» [20, с. 375].

Понятно, эсеры и меньшевики – уже открытые политические враги, и хорошо еще, что их высылают. Согласимся, наконец, что буржуазные обществоведы и философы абсолютно бесполезны и порою прямо вредны. Но иных-то специалистов – химиков каких-нибудь, медиков и прочих ... Их то за что выслали?

III

Дело в том, что отделить «интеллигента» от «спеца», от «специалиста», невозможно. «Спец» потому и становится «интеллигентом», что он образован, быть может, умен и талантлив. «Интеллигент» и «специалист» живут в одном человеке, дополняя друг друга. «Специалист» уже своей «интеллигентной» гранью не может не реагировать на общественную жизнь. Тогда при каких-то обстоятельствах «специалист» превращается в оппозиционера, даже бунтаря, словом – в «интеллигента», каким его представлял сборник «Вехи». «Веховским» интеллигентам, привыкшим к прежним вольностям, как было понять суровую несвободу пролетарской диктатуры? Проживая в Праге, В.И. Вернадский 9 ноября 1922 г. записывает в дневнике впечатления от разговора с одним из коллег, приехавшим из Советской России: «“Вправо” идти некуда: сейчас нет свободы печати и слова, нет свободы научного искания, нет самоуправления, нет не только политических, но даже гражданских прав. Нет элементов уважения и обеспечения личности» [3, с. 91]. Не возмущаться, не протестовать – глухо, для себя и между своими было нельзя. М. Осоргин свидетельствовал: «От революции пострадав, революции не проклинали и о ней не жалели, мало было людей, которые мечтали бы о возвращении прежнего. Вызывали ненависть новые властители, но не дело, которому они взялись служить и которое оказалось им не по плечу, – дело обновления России. В них видели переродившихся старых деспотов, врагов свободы, способных только исказить и тормозить огромную работу, которая могла бы быть – так нам казалось – дружной, плодотворной и радостной» [19, с. 579–580]. При этом приходилось соблюдать невольную законопослушность; во всяком случае – сторониться политики.

Но вот приходит НЭП и стало можно выговориться. Храбрая женщина, профессор Химико-фармацевтического института в Петрограде Любовь Ми-

хайловна Горвиц-Власова в мае 1922 г. говорила на Втором съезде врачей: «Врачи как представители в большей своей массе трудовой интеллигенции всегда с теми, кто трудится и ищет справедливых форм социального устройства без произвола одних и притеснения других. Но будучи слугами народа, врачи не могут быть и не будут его прислужниками тогда, когда на смену угнетения пролетариата колесо истории выдвинуло его официальную диктатуру. Русские врачи не могут с закрытыми глазами в порядке безмолвного подчинения принять все взгляды и методы пролетарской власти, отказавшись от здоровой, деловой критики, к которой обязывает интеллигенцию ее социальное назначение – быть мозгом страны» [20, с. 127].

Вот и обнаружилось, что она и ей подобные образуют особую группу советского населения – кажется, аполитичных и лояльных, а по оценке новых властей – мнимо-аполитичных и мнимо-лояльных. В том и состоит особенность пассажиров «философского парохода», что они образуют группу, которая была наказана экспатриацией не по политическим, а по мировоззренческим и социально-психологическим основаниям. Эту группу прямо называет резолюция «Об антисоветских партиях и течениях» XII Всероссийской конференции РКП(б), состоявшейся в первых числах августа 1922 г. В ней говорилось, что отказаться от применения репрессии к эсерам и меньшевикам совершенно невозможно; они, по словам В.И. Ленина, были «авангардом всей реакции». Но тогда же был назван другой адресат репрессий. Это «политиканствующая верхушка мнимо-беспартийной буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которой подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т.д. являются только пустым словом, политическим прикрытием» [9, с. 593]. Такая расплывчатая формула оправдывала произвол в отношении интеллигентов, которые и не могли, и часто даже не хотели быть политическими противниками новой власти.

Не будем обращаться к протоколам допросов в ГПУ. Предположим, что заверения в лояльности новым властям были сделаны по робости... Но вот пароход «Preussen» 18 ноября идет по Балтике и А.А. Евреинова собирает записи тех, кто уже не в Советской России, кто уже за рубежом. Почвовед Б.А. Одинцов: «Среди нас, профессоров и литераторов ... напрасно будете искать политиков, опасных для узурпаторов власти в России». Философ И.И. Лапшин: «Ведь я не государственный преступник!» Химик С.Л. Зубашов: «В огромном большинстве случаев изгнанниками бывают или преступники, или герои. По отношению ко мне ни то, ни другое не приложимо: преступления я не совершил, но и героизма ни в чем не проявил». Философ Н.О. Лосский: «Я подумал: за что меня изгоняют? Не за политические деяния, их я в течение пяти лет не совершал». Свое признание оставляет журналист Б.И. Харитон: «Я предпочел бы смерть на чужбине возвращению в Россию, если ... придет реставрация»¹³. Этому нельзя не верить. Это искреннее, чем уверения в лояльности при допросах в ГПУ.

¹³ См.: Евреинова А. Записи под чертой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 40. С. 271–275 [6].

Официальные документы тоже говорят о малой политической активности интеллигенции. ГПУ проанализировало деятельность тринадцати форм общественных институтов – от «Всероссийского комитета помощи голодающим» (Помгол), «профессуры» и «студенческого движения» до «Всероссийского агрономического съезда» и «Московского общества сельского хозяйства». Оказалось, что на самое радикальное «замахивался» Помгол – даже на «право непосредственных сношений с правительствами иностранных держав, с различными учреждениями и частными лицами»¹⁴. Во всех прочих случаях интеллигенция выражала пожелание углубления и ускорения нэпа, говорила о внеклассовой законности и правопорядке, о соблюдении элементарных прав личности, хотела местного самоуправления, автономии высшего образования и не стеснялась в выражениях, критикуя Советскую власть; известно, интеллигент так может «подколоть», что дух захватывает. Но Советской власти эти упражнения интеллигенции невинными не казались. Начальник Особого отдела ГПУ Я.С. Агранов, составивший записку, сделал такой вывод: «... В процессе развития нэпа происходит определенная кристаллизация и сплочение антисоветских групп и организаций, оформляющих политические стремления нарождающейся буржуазии». Они, продолжал начальник, «могут сложиться в опасную силу, противостоящую Советской власти» [5, с. 396].

Итак, высылали «мнимо-беспартийную» интеллигенцию, группу политически слабую и поневоле законопослушную. Высылали по подозрению в том, что эти люди внутренне не принимали Советской власти, марксизма и нового общества, к строительству которого их старались принудить под надзором РКП(б). Они могли бы стать «спецами», но не стали. Ю.И. Айхенвальд ворчал: «Мы Советской власти подчиняемся, но вы хотите нас заставить еще ее полюбить. Насильно мил не будешь» [20, с. 592].

А и в самом деле. Могла ли Е.Ю. Рапп полюбить придуманные для «буржуев» принудительные работы по расчистке дорог, на которые под конвоем выгоняли семейство Бердяевых? Или – другой пример. У воронежского ученого отобрали кровать, а красный командир, производя реквизицию, «требовал у профессора, чтобы он обязательно спал с женой в одной кровати»¹⁵. Понравилось ли супругам такое пояснение?

Нет, торжествовали «кухаркины дети» и «батрацкие сыны».

IV

После сделанных пояснений вопрос о «философском пароходе» нужно поставить по-иному: «Можно ли было не высылавать инакомыслящих?» Правильно он может быть решен при учете двух контекстов – общеисторического и конкретно-исторического, имея в виду 1921–1922 гг. Что касается первого контекста, то он – об исторической легитимности Октября. Известно, что Ленин и его партия видели в Октябре проявление общемирового закона социального прогресса. Зная, насколько труден этот вопрос, отложим его решение.

¹⁴ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005. С. 140 [4].

¹⁵ См.: Ленин В.И. Ответ на открытое письмо специалиста. С. 221.

Пожалуй, условия для признания исторической легитимности Октября еще не созрели; впрочем, равно как и для ее отрицания. Проще рассмотреть второй контекст. Хулители Ленина и РКП(б), признавая легитимным Февраль, за Октябрем это качество не признают. Но верно ли это? Разве множество случайностей февральско-мартовской весны и лета 1917 г. не свились в необходимость Октября? В таком случае большевизм нужно признавать за последний результат русского освободительного движения.

Большевики были хорошо мировоззренчески и идейно подготовлены к испытаниям на прочность: они знали, что за них – наука и бедняцкие массы. Они – науковеры и материалисты, наследники Чернышевского и Маркса. Они – западники, принявшие европейское учение о классовой борьбе. Они по-русски абсолютизировали его значение и масштабы одействования. Они – народники. Они думают, что в революции и социалистическом строительстве народ становится честнее, образованнее, гуманнее. Они произвели революцию не во имя культуры, а во имя народных низов, а их вождь – это Пугачев с университетским дипломом: раньше все богатство культуры принадлежало немногим, отныне – будет принадлежать всем.

Народный характер Октября признавали не только сменовеховцы, но, что еще важнее, – сами высылаемые из Советской России. Они, правда, называли большевизм болезнью русского духа, но оговорка не меняет главной оценки Октября. С.Л. Франк в августе 1922 г. пишет письмо для П.Б. Струве: «За эти тяжкие годы, престав – поневоле – быть кабинетным человеком и получив массу жизненных впечатлений, я узнал многое новое. Коротко говоря, я понял органический характер того, что случилось, т.е. наличность у него органической подоплеки и необходимость с этим считаться, неизбежность для нас некоторого существенного самоограничения. Страна Пушкина, Тютчева, Достоевского стала отныне и бесповоротно мужицкой страной, и мы должны научиться в ней жить и для нее работать, как бы это тяжело порой не было» [23, с. 651].

Если Октябрь был народен, то он был социально справедлив. Уехавший из Советской России 29 июня 1922 г. на том же «Обербургомистре Гаккене» Ф.И. Шаляпин (и только ли он один?) признавался: «Я не могу быть до такой степени слепым и пристрастным, чтобы не заметить, что в самой глубокой основе большевистского движения лежало какое-то стремление к действительному переустройству жизни на более справедливых, как казалось Ленину и некоторым другим его сподвижникам, началах ...» [24, с. 421].

Социальный переворот тогда же был культурным переворотом. Культура почти организованно упрощалась в соответствии, с одной стороны, с материализмом и теорией отражения, с другой – с потребностью новых ее пользователей и творцов – рабочих и крестьян. Демократизация культуры предопределила распространение идеологии «просвещения». Серебряный век с его философами был отменен. Чернышевский побеждал Соловьева. Для простолюдинов открылись множество возможностей для реализации своего творческого потенциала. Площадками, где проводился отбор его носителей, стали все сферы жизни коммунистической России – от военного дела и образования до искусства и науки. Модернизация России, восставшей к новой жизни под име-

нем СССР, потребовала огромного количества грамотных, хорошо знающих свое дело людей. Только слепой не видит, что, высылая интеллигентов-специалистов, Советская власть тогда же предпринимала самые энергичные усилия по развитию народного образования и науки. В России на 1913 г. было 112 тысяч студентов, в СССР на черный 1937 г. их числилось 547 тысяч. На тот же 1913 год в стране работало около 11000 научных работников; на предвоенный 1940 год в СССР их было 98 тысяч¹⁶.

Если Октябрь легитимен, то высылку нужно рассматривать в его проблемном и ценностном поле. Русская социалистическая революция вдохновлялась ленинским марксизмом. Он самым решительным образом – и в целом, и в своих частностях – противоречил мировоззрению высланных «религиозников» и «идеалистов». Так может ли научное истинное мировоззрение марксизма, которое «является правильным выражением интересов, точки зрения и культуры революционного пролетариата»¹⁷, позволить разномыслие в самых важных проблемах человеческого бытия? Вопрос о том, насколько всесильно научное мировоззрение, даже не вставал. То было тем более очевидно, что, как писало солидное советское издание, «в “Материализме и эмпириокритицизме”, “Философских тетрадах” и других произведениях В.И. Ленин обнажил реакционность различных форм философской защиты религии, характеризуя философский идеализм как «научную поповщину», «ослабленный, утонченный фидеизм»¹⁸. Культура почти организованно упрощалась в соответствии, с одной стороны, с материализмом и теорией отражения, а с другой – с потребностями трудящихся масс. Потом Солженицын презрительно скажет: «образованцы».

Другой контекст – конкретно-исторический. Положение Советской власти было весьма сложным. Историки поясняют: к 1922 г. внутрисоветская ситуация обострилась до предела – в стране свирепствовал голод, усилились антиправительственные выступления крестьянства, прошел ряд забастовок профессуры и студенчества, шли процессы над эсерами и меньшевиками, активно велась борьба с церковниками, наконец, оживилось общественное движение в среде интеллигенции (съезды врачей, инженеров, кооператоров и проч.)¹⁹. А русское зарубежье только нагнетало тревогу. Социалист А.Э. Дюбуа в Риге, в клубе Я. Райниса, пророчил: «Более вероятно предположение, что коммунистический строй будет свергнут. Необходимый для этой цели элемент в Советской России находится в достаточном количестве, не исключено также участие Красной армии» [20, с. 359].

Поворот к нэпу в октябре 1921 г. был главным, решающим действием по спасению коммунистической идеи и очевидной уступкой русской жизни. Жизнь

¹⁶ См.: Народное образование, наука и культура в СССР. Статистический сборник. М., 1977. С. 301 и 213.

¹⁷ Ленин В.И. О пролетарской культуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 41. С. 337 [16].

¹⁸ См.: История философии в СССР. Т. 4. М., 1971. С. 575 [7].

¹⁹ См.: Макаров В.Г., Христофоров В.С. Предисловие // Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005.

устала от гражданской войны и военно-казарменного коммунизма. Она диктовала свои простые требования, и посредством нэпа их удавалось удовлетворить. Но и тогда не надо было думать по-марксистски, чтобы почувствовать, как нэп стимулирует цветение «буржуазной» идеологии. Н.А. Бердяев вспоминал об огромной популярности лекций Вольной Академии духовной культуры. И неслучайно Советская власть так настороженно встретила сборник «Смена веков», авторы которого в общем и целом были дружелюбно расположены к состоявшейся революции.

Ленин должен был написать: «Наша задача – побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное» [15, с. 406]. Срочно и необходимо потребовались действия надстроечного, политико-идеологического характера. И новые руководители страны озаботились – создали Социалистическую академию, большую журнальную марксистскую периодику, преобразовали гуманитарные факультеты в ФОНы, перетряхнули преподавателей и, наконец, выставили тех, кто упорствовал в своей антинаучности и неверии в коммунизм.

«Я знаю силу слов, я знаю слов набат», – писал пролетарский поэт, и мы еще недавно сами были свидетелями их разрушительной силы. Не об этом ли говорит горбачевско-яковлевская гласность и трансляция заседаний Съезда народных депутатов в 1989 г., которые ускорили падение советского строя и развал великого государства. Я.С. Агранов боялся, что мнимо-беспартийная антисоветски настроенная интеллигенция организуется. На съезде 1989 г. она организовалась – в форме Межрегиональной депутатской группы.

Допусти Ленин и РКП(б) подобное бурление идей и речей в 1922 г. – и Россия могла бы свалиться в новый виток гражданской войны, скорее всего с летальным исходом для себя. Что сделали бы Совнарком и Реввоенсовет в таком случае, выразительно пояснил Л.Д. Троцкий в своем интервью, данном за месяц до первого «философского парохода»: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений – а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, – все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны» [20, с. 317].

Ситуация неопределенной нестабильности продиктовала начатую «практику широких высылков по подозрению»²⁰. Скажут, что Советская власть и РКП(б) спасали себя. Определенно так: спасали себя и коммунистическую идею. Но правильно и другое – вместе с собой спасали Россию. «Россия не может быть и не будет независимой, если не будет укреплен Советская власть», – писал Ленин [13, с. 217–218]. Среди прочего нужно учесть неизжитую еще психологию военного коммунизма с ее идеализмом и классовой бескомпромиссностью: «Кто там шагает правой? – Левою, левою, левою!»

²⁰ См.: «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 520 [20].

Следовательно, и конкретно-исторические обстоятельства полагают оправдание высылки.

Нужно иметь в виду, что «советский строй в то время не был еще вполне выработанным и организованным, его нельзя еще было назвать тоталитарным, и в нем было много противоречий», – свидетельствовал Н.А. Бердяев [2, с. 227]. До наступления сталинизма оставалось еще несколько лет, почти десятилетие. В таких условиях высылку большой группы «мнимо-беспартийной» интеллигенции можно назвать отходами большого социального строительства. Известно, что шлак является побочным продуктом металлургического процесса. Увы, еще и необходимым

Б.В. Яковенко, рассуждая об этом событии, заметил, что в те годы, когда жизнь человеческая не стоила и ломаного гроша, революция могла просто уничтожить своих идейных противников, но великодушно подарила им жизнь в эмиграции и предоставила возможность поработать на европейской сцене. В действиях Советского правительства и РКП(б) он усмотрел скрытое, неафишируемое признание ими общекультурного значения философии «религиозников» и «идеалистов» и даже «отчетливое сознание» своего сущностного сродства, укорененного в глубинах души и сознания убежденного коммуниста» [26, с. 204–205].

Объяснение Б.В. Яковенко не оригинально. Еще Б. Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 г., определил большевизм как форму религиозного сознания. Об этом не раз и подробно писали высланные философы. Классическими образцами подобного жанра являются выступления Н.А. Бердяева об истоках и смысле русского коммунизма²¹. Почти религиозная напряженность большевистского науковерия легко опознается и сегодня, спустя почти столетие со времен Октября и гражданской войны. Со временем большевизм превратился в невычеркиваемый этап нашей истории. Невольно, ругаясь и печальясь, приходится признавать неизбежность «философского парохода» как одного из самых болезненных проявлений кризиса русской культуры.

Русские любят морализировать над историей. Это очень полезно для воспитания подрастающих поколений. Правда, кажется, что русская история написана по Леонтьеву, а не по Соловьеву с его «оправданием добра».

V

На запрос Ф.Э. Дзержинского от 19 января 1923 г.: «сколько лиц (интеллигенции) фактически выслано нами за границу?», И.С. Уншлихт на другой день отвечает: всего 57 человек²². Сами высланные – хотя и не могли знать о масштабе проведенной акции – называли другие числа, но близкие к этому. «Только 50 человек», – суммировал М. Осоргин²³. Б.И. Харитон говорил, что в состав-

²¹ Книга Н.А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» была издана в 1937 г. на английском языке. Впервые на русском – в Париже (YMCA-PRESS) в 1955 г., в Москве – в 1989 г.

²² См.: «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. С. 470–474.

²³ См.: Осоргин М. Как нас уехали (Юбилейное) // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 700.

ленных ВЧК списках было 200 фамилий, но выслали только 60 человек²⁴. С.Е. Трубецкой написал так: «"Недобитых врагов народа" выслано из Советского Союза всего несколько больше сотни, и на этом дальнейшие высылки прекратились» [24, с. 321].

Называемые числа, по-видимому, близки к точным, но едва ли вполне точны²⁵. Нужно согласиться с В.Л. Соскиным: «По-видимому, сводных данных не существует, поскольку высылка велась не только из столиц и не только за рубеж» [23, с. 72].

Среди высылаемых было восемь философов: Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, Ф.А. Степун, С.Л. Франк. П.А. Сорокин все-таки социолог. Ну, хорошо, не восемь, а девять²⁶. Все они могли бы разместиться на небольшом баркасе; для их высылки не нужно было абонировать пароход. Но для борьбы с коммунизмом найденный ловким М.С. Геллером символ – «философский пароход» – очень хорош. Он емко и конкретен.

Экспатриацию соответствующие органы провели плохо, спустя рукава, не смотря на просьбу В.И. Ленина проделать все аккуратно – «иначе мы наглупим». Во время тяжелой болезни Ленин продолжает следить за операцией ГПУ, требуя: «Очистим Россию надолго». Замечательны в этом отношении его письма Ф.Э. Дзержинскому от 19 мая и И.В. Сталину от 16 июля 1922 г. В первом он просит «обязать членов Политбюро уделять 2–3 человека в неделю на просмотр ряда изданий и книг, проверяя исполнение, требуя письменных отзывов и добиваясь присылки в Москву всех некоммунистических изданий...» [20, с. 109–110]. В письмах он еще и подсказывает, где найти адреса высылаемых.

Ф.Э. Дзержинский пенял И.С. Уншлихту: «У нас в этой области большое рвачество, кустарничество», – и рекомендовал, – «на каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа [по роду занятий – А.Е.] должна быть освещаемая всесторонне компетентными товарищами» [20, с. 332]. Но сама акция была проведена настолько плохо, что Б.И. Харитон усомнился – неужели ею занималось ГПУ?²⁷

²⁴ См.: Харитон Б.И. К истории нашей высылки // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. С. 644.

²⁵ Знатоки проблемы В.Г. Макаров и В.С. Христофоров, составители известного сборника «Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1924» (М., 2005), называют 67 человек, высланных за границу.

²⁶ В сборнике «Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1924» (М., 2005) в числе высланных философов ошибочно названы имена Б.П. Вышеславцева и Г.В. Флоровского. (См. именной указатель.)

²⁷ В одной из заметок Б.И. Харитон рассказал: «Можно думать, что проскрепционные списки составлялись не в недрах ГПУ, ибо арестованы были и в Москве, и в Петербурге такие лица, о которых при всей тщательности наблюдения за гражданами РСФСР в ГПУ не могло быть решительно никаких компрометирующих данных. Кроме того, если бы отбор представителей науки и литературы был представлен ГПУ, дело не ограничилось бы списком в две сотни имен на обе столицы и высылкой около 60 человек». (Цит. по: «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. С. 644).

Спустя почти сто лет после высылки без смеха нельзя читать воспоминания П. Сорокина, Н. Трубецкого или М. Осоргина о том, как они добивались своего ареста, о наивных и невежественных следователях ГПУ. Мы с удивлением узнаем, что кому-то пришлось уезжать за свой счет, а кто-то покидал Родину в каюте первого класса за счет государства. О секретности операции и говорить нечего. Не только зарубежье знало о ней, не только интеллигенция двух столиц судачила о высылке, но и простонародье. Помимо того, интересно было бы знать, почему из Петрограда не выслали А.И. Введенского, Э.Л. Радлова, С.А. Аскольдова и С.О. Грузенберга? Напротив, почему выслали больного и безобиднейшего И.И. Лапшина, за которого сердечно хлопотал университет? Почему не выслали из Москвы руководителей Религиозно-философского общества – М.К. Морозову и Г.А. Рачинского? Почему не выслали Б.П. Вышеславцева? Почему так мало выслали историков; только А.А. Кизеветтера и А.Н. Стратонова? Как получилось, что высылка обошла стороной философов из Духовных академий – П.А. Флоренского, М.М. Тареева, В.А. Несмелова, В.З. Завитневича или В.И. Экземплярского? Наконец, почему Льву Тихомирову – а уж известно, кто он такой, – в мае 1922 г. выделили вполне приличный паек по линии Комиссии по улучшению быта ученых?

Что касается высылки восьми–деяти «главных» философов, то она не была специальным актом. Эти мыслители просто «высунулись», «засветились», «попали под горячую руку» вождя революции. Их выслали среди прочих. И только.

Драма высылки – совсем не стала драмой для всей страны, как о том писали Л.А. Коган и В.В. Шенталинский. Взамен уехавших, погибших и высланных советская высшая школа «вырабатывала» новые и новые отряды специалистов. При этом, согласно наказу XII съезда большевиков, она должна была готовить в их лице «общественно-политических работников, вооруженных теорией марксизма»²⁸. Коммунистическая партия очень хотела создать «советскую интеллигенцию», которая принимала бы марксизм как собственное, свое мировоззрение. И с каждым новым вузовским выпуском в СССР множилось число интеллигентов – со всеми, присущими этому «прослоечному» образованию особенностями отношения к миру. Наконец, в какое-то время в СССР появилось диссидентское движение.

Замысел Великого Октября – построить совершенно новый мир с совершенно совершенным человеком – был изначально не исполним. Существует только один, сотворенный Богом мир, и его можно только улучшать. «Новый мир» излишен и не нужен. И вот за эту свою гордыню советские люди расплачивались немощью и безмерным унижением.

Теперь поносят русских за то и за это, и за это и за то, не умея – по причине низменности душевного склада ругателей – не то чтобы восхититься гранди-

²⁸ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. С. 103 [10].

озным замыслом Октября, а хотя бы заметить его... Икар рухнул на землю, опалив крылья горячим солнечным жаром, и проходивший мимо постсоветский интеллигент поморщился: какое-то неэстетическое зрелище являет собой груда разбившегося мяса.

Но если в чем и следует – по большому историческому счету – винить русский народ, то в двух винах. Первая – что он забыл эсхатологию христианства, забыл о первородном грехе человека, не позволяющем ему быть совершенным. Вторая – что он соблазнился великой хилиастической мечтой европейского Просвещения – построить здесь, на земле, бесконфликтную, гармоничную во всех отношениях жизнь.

Воодушевленный этой утопией советский народ перетерпел кровавую вакханалию ГУЛАГА, перебил хребет фашизму, разрушил колониальный мир, вынудил капитализм к «человеческому лицу» и ... пришла катастрофа конца 80-х – начала 90-х годов.

Но она не отменяет мирового значения Октября. Оно до сих пор не вполне осознано. В полной мере оно раскроется, когда коммунистическая неудача будет перекрыта удачей современной цивилизации. Но будет ли это? Едва ли. Грозные признаки этого ощущаются всеми, кто заглядывает в новое тысячелетие. Только тогда, когда подведут итоги цивилизационному развитию, можно будет более определенно говорить о цене жертвенного подвига «совков», советских людей.

Список литературы

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 2. Ленинград, 1991. 304 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. Л., 1991. 398 с.
3. Вернадский В.И. Дневники. Март 1921 – август 1925. М., 1998. 214 с.
4. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921–1923. М., 2005. 544 с.
5. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. М., 2007. 869 с.
6. Евреинова А. Записи под чертой // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. Кн. 40. С. 269–274.
7. История философии в СССР. Т. 4. М., 1971. 832 с.
8. Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 11. С. 61–84.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. 1917–1922. М., 1983. 606 с.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 1922–1925. М., 1984. 494 с.
11. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 8. С. 185–414.
12. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 25. С. 93–101.
13. Ленин В.И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 37. С. 207–224.
14. Ленин В.И. Ответ на открытое письмо специалиста // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 38. С. 218–222.
15. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 41. С. 398–408.

16. Ленин В.И. О пролетарской культуре // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 41. С. 336–337
17. Ленин В.И. Письмо А.М. Горькому 15 сентября 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1958–1965. Т. 48. С. 47–49.
18. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Изд-во полит. лит., 1955–1974. С. 419–459.
19. Осоргин М. Времена. Романы и автобиографическое повествование. Екатеринбург, 1992. 608 с.
20. «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. М., 2008. 844 с.
21. Соскин В.Л. Переход к нэпу и культура (1921–1923 гг.). Новосибирск, 1997. 107 с.
22. Трубецкой Н.С. Минувшее. М., 1991. 332 с.
23. Франк С.Л. Три письма П.Б. Струве // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник. 2001/2002. М., 2002. С. 645–654.
24. Шаляпин Ф.И. Воспоминания. М., 2000. 542 с.
25. Шенталинский В.В. Донос на Сократа. М., 2001. 459 с.
26. Яковенко Б.В. «Современная эпоха развивается под знаком русского духа» // Борис Валентинович Яковенко / под ред. А.А. Ермичева. М., 2012. С. 199–209.

References

1. Annenkov, Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragediy* [Diary of my meetings. Set of tragedies.], Leningrad, 1991, vol. 2, 304 p.
2. Berdyaev, N.A. *Samopoznanie* [Self-cognition], Leningrad, 1991, 398 p.
3. Vernadskiy, V.I. *Dnevnik. Mart 1921 – avgust 1925* [Diaries. March 1921–August 1925], Moscow, 1998, 214 p.
4. *Vysylka vmesto rasstrelya. Deportatsiya intelligentsii v dokumentakh VChK-GPU. 1921–1923* [Expulsion instead of execution. Intelligentsia deportation in the VChK-GPU documents], Moscow, 2005, 544 p.
5. *F.E. Dzerzhinskiy – predseda VChK-OGPU. 1917–1926* [The chairman of VChK-OGPU. 1917–1926], Moscow, 2007, 869 p.
6. Evreinova, A. Zapisi pod chertoy [Notes below the line], in *Novyy zhurnal*. N'yu-York, 1955, book 40, pp. 269–274.
7. *Istoriya filosofii v SSSR* [The history of philosophy in the USSR], Moscow, 1971, vol. 4, 832 p.
8. Kogan, L.A. Vyslat' za granitsu bezzhalostno (Novoe ob izgnanii dukhovnoy elity) [Expel abroad cruelly (New about spiritual nobles)], in *Voprosy filosofii*, 1993, no. 11, pp. 61–84.
9. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1917–1922* [KPSS in resolutions and decisions of congresses, conferences nad plenums of CC], Moscow, 1983, vol. 2, 606 p.
10. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1922–1925* [KPSS in resolutions and decisions of congresses, conferences nad plenums of CC], Moscow, 1984, vol. 3, 494 p.
11. Lenin, V.I. Shag vpered, dva shaga nazad [One step up, two steps back], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 8* [Complete set of works in 55 vol., vol. 8], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 185–414.
12. Lenin, V.I. Iz proshlogo rabochey pechati v Rossii [From the past of the working press in Russia], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 25* [Complete set of works in 55 vol., vol. 25], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 93–101.
13. Lenin, V.I. Sobranie partiynykh rabotnikov Moskv 27 noyabrya 1918 g. Doklad ob otnoshenii proletariata k melkoburzhuaznoy demokratii [Meeting of party officials of Moscow in November 27, 1918. Report on proletariat's attitude to petit bourgeois democracy], in Lenin, V.I.

Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 37 [Complete set of works in 55 vol., vol. 37], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 207–224.

14. Lenin, V.I. Otvet na otkrytoe pis'mo spetsialista [Answer to the open letter of the specialist], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 38* [Complete set of works in 55 vol., vol. 38], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 218–222.

15. Lenin, V.I. Rech' na Vserossiyskom soveshchanii politprosvetov gubernskikh i uездnykh otделov narodnogo obrazovaniya 3 noyabrya 1920 g. [Speech at all-Russian meeting of governorate politprosvets and district department], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 41* [Complete set of works in 55 vol., vol. 41], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 398–408.

16. Lenin, V.I. O proletarskoy kul'ture [On proletarian culture], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 41* [Complete set of works in 55 vol., vol. 41], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 336–337.

17. Lenin, V.I. Pis'mo A.M. Gor'komu 15 sentyabrya 1919 g. [Letter to A.M. Gorky from September 15, 1919], in Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy v 55 t., t. 48* [Complete set of works in 55 vol., vol. 48], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958–1965, pp. 47–49.

18. Marks, K., Engel's, F. Manifest Kommunisticheskoy partii [Communist party manifest], in Marks, K., Engel's, F. *Sochineniya v 39 t., t. 4* [Works in 39 vol., vol. 4], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1955–1974, pp. 419–459.

19. Osorgin, M. *Vremena. Romany i avtobiograficheskoe povestvovanie* [Times. Novels and autobiographical prosperity], Ekaterinburg, 1992, 608 p.

20. «Ochistim Rossiyu nadolgo...». *Repressii protiv inakomyslyashchikh. Konets 1921 – nachalo 1923 g.* [«Let's clear Russian for long». Reprisals against dissidents. End of 1921 – beginning of 1923], Moscow, 2008, 844 p.

21. Soskin, V.L. *Perekhod k nepu i kul'tura (1921–1923 gg.)* [Transition to SPP and culture], Novosibirsk, 1997, 107 p.

22. Trubetskoy, N.S. *Minuvshee* [The past], Moscow, 1991, 332 p.

23. Frank, S.L. Tri pis'ma P.B. Struve [Three letters by P.B. Struve], in *Issledovaniya po istorii russkoy mysli. Ezhegodnik. 2001/2002* [Researches on the history of Russian thought. Yearbook], Moscow, 2002, pp. 645–654.

24. Shalyapin, F.I. *Vospominaniya* [Memories], Moscow, 2000, 542 p.

25. Shentalinskiy, V.V. *Donos na Sokrata* [Denunciation on Socrates], Moscow, 2001, 459 p.

26. Yakovenko, B.V. «Sovremennaya epokha razvivaetsya pod znakom russkogo dukha» [«Modern age is developing under the sign of Russian spirit»], in *Boris Valentinovich Yakovenko* [Boris Valentinovich Yakovenko], Moscow, 2012, pp. 199–209.